

Блок и советская культура

Путь Блока к Великому Октябрю, признание им исторической правды пролетариатской революции, его мужество и бесповоротное отречение от старого мира — все это выясено в достоверной мере и прочно вошло в наше представление о поэте. Глубочайшая вера его в будущее, в «новый век» ставит его в ряд лидеи новой, социалистической культуры. Многообразная и напряженная деятельность Блока в 1918—1921 гг. — явление истории советской литературы и поэтому, естественно, представляет для нас особый интерес. Для верного понимания и правильной оценки общественной позиции Блока после Октября важно напомнить кое-какие его мысли и суждения тех лет. Они до сих пор сохраняют всю силу своей убедительности, весь свой революционный пыл, и можно лишь пожалеть, что об этих замечательных мыслях и суждениях вспоминают редко, нежели они того заслуживают.

Художник, — говорил Блок, — «должен честно смотреть, а смотреть художественно-честно значит — смотреть в будущее». В самом Блоке чувство будущего было предельно обострено. «Мы стоим перед лицом нового и всемирного... Новый мир уже стоит при дверях» — уверял он, еще в глухое время реакции, как в эпоху лет Октября, добавляя, что «если мы гравим и ясной надеждой ждем нового света от нового века». Революция Блок воспринял как «начала жизни», как события всемирно-исторического значения и таких масштабов, каких история еще не знала. Главная мысль Блока, весело владеющая его сознанием после Октября, — это мысли о будущей России, о ее роли в исторических судьбах мира. Она, эта будущая Россия, мыслилась Блоком как «Большой Демократия», как возрождение человечества к жизни полноценной, свободной, чистой и прекрасной. Блок умел смотреть далеко вперед и будущее было основным критерием его оценки происходящего.

Не следует сверх меру преувеличивать «експиффизм» Блока, его романтический «эмансипализм». Вовсе неизвестно, что Блока влечет только разрушительная стихия революции, вызвавшая ненавистный ему старый мир. Он понимал (хотя и недостаточно отчетливо) грандиозность ее положительных задач. Он уверял, что замысел революции заключается в том, чтобы «переплести все». В дневнике Блока есть знаменательная запись, сделанная на кануне 25 октября 1917 г., когда он ждал неизбежного, по его мнению, монстрозного разворота событий. «Один только Ленин», подчеркивает Блок, — верит, что захват власти демократической действительно ликирует войну и наладит все в стране». Нужно по достоинству оценить эту запись. В разноголосие тогдашней политической жизни Блока, при всей своей неискусленности в политике, уловил один лишь тщательный голос, проникнутый верой в будущее, и это был голос Ленина.

После Октября перед Блоком властно встают две проблемы: выработка нового мировоззрения и участие в работе по революционному переустройству страны. Первую проблему он, как известно, разрешил так и не сумел, но вторую решал самой присущей ему человеческой страстью и гражданской честностью. «Одно из блаженств революции, — писал он, — заключается в том, что она пробуждает к жизни всего человека, если он идет к ней на встречу, она направляет все его силы и откроивает те пропасти сознания, которые были крепко закрыты». Вот с таким предельным напряжением всех духовных сил проникался Блок Октябрьскую революцию. Сразу после Октября он говорил о своем из своих друзей, что все «прочувствовал до кости и что все совершилось нужно «принять» без страха и сомнений. Призывают интеллигентов «если тем, всем сердцем, всем сознанием слушать Революцию», сам он как бы весь превратился в слух.

При всем Блок хотел не только «слушать» революцию, но и «участвовать» в ней. Еще в дни февральского режима, превращавшие датынейшее нарастание событий, он писал: «Содержанием всей жизни становится всемирная революция, во главе которой стоит Россия». И тут же он признавался в «ненависти к интеллигенции», не понимающей того, что понимает «молодой, спокойный» народ, обладающий «социалистической психологией». Высокомерны «мастерами культуры» и «интендантом политиков», убоявшимися пролетарской революции, погружеными в свои мелкие дела и жалкие страхи, Блок предрекал, что их «вышибнут» из жизни, если они будут попрежнему бояться народа вместо того, чтобы поделиться с ним своими знаниями, своим опытом. Самым Блоком проблема участия в революции была решена рано и наивсегда в категорической форме. На вопрос, преложенный одной из буржуазных газет: «Может ли интеллигентия работать с большевиками?» — он ответил (кстати сказать, единственным из участников анкеты): «Может и обязаны».

Принятие Блоком Октябрьской революции вовсе не носило отвлеченного, декларативного характера. Напротив, Блок был приспособлен жажденного стремления включиться в «критику» революции, принять активное участие в самом деле революции, в «великом и ответственном» труде по революционному переустройству жизни. «Это труд великий и ответственный», — записывает он в дневнике, как раз в те дни, когда создавал «Двенадцати». Господы главные интеллигенты не желают идти в труда. И далее: «Вот что я еще понял: эту рабочую сторону большевизма, которая за летучий, за крылатый. Тут-то и нужна им помощь. Крылья у народу есть, а в умениях и знаниях надо ему помочь... Но неужели многие «понимающие» так и не пойдут склада?» В своем личном плане Блок искал различные пути к тому, чтобы практические применить свои умения и знания. «Страшно хочется мирного труда... Красная армия? Рыбы, окопов? «Литература?» Все новые и новые планы... Да, у меня есть сорванные, котоными я могу поделиться с народом», — записывает он несколько позже.

Все это, как видим, вносит существенный корректировку в обычное представление о романтическом учении Блока одной лишь «акриловой» стороной революции, бурным кипением революционной «стихии». Говоря о революционном чувстве Блока, нет нужды преумножать остроту его общественного сознания.

То, что полагают, что общественная позиция Блока послеоктябрьские годы была во вполне ясной, полвинчатой, обычно ссылаются на его затяжное творческое молчание. Оно трактуются как результат «разочарования» Блока в революции. Действительно, после «Двенадцати» и «Скифов» художественное творчество Блока внезапно обновилось. Он не писал большие стихии — если не считать переработок старого, немногих албомных и шуточных мелодий и попыток продолжить поэмы «Возмездие». Необычайный творческий взлет в январе 1918 г. поставил его перед необходимостью найти новые поэтические формы и приемы, ибо старые, потерянные для него всякие смыслы («Опять весь старый хлам в книге?») — записывает он в 1918 г.). Когда в последний раз жизни Блока какой-то «святиня», прослушав его речь «О назначении поэта», воспетую сочинственно: «Какой вы шаг сделали после «Двенадцати», Александр Александрович!» — Блок ответил спокойно и твердо: «Никакого. Сейчас я думаю так же, как думал, когда писал «Двенадцать».

Правда, в 1919—1920 гг. Блок уже не различал той «музыки», которую «грешно разорванной истром воздуха».

«Разрушение еще не закончилось, —

говорил А. Блок в 1920 г., но оно уже убывает. Строительство еще не началось... Музыка старой — уже нет, новой — нет еще». Нужно добавить, что в 1920—1921 гг. Блок снова появился надежда на возрождение художественному творчеству.

Таким образом, идея строительства нового мира до конца присутствовала в сознании Блока. Но он хотел сперва увидеть весь старый мир сожженным до тла, и это пугала мысль о затухании «мирового пожара». В подобном духе желания и опасения Блока, разумеется, склонялось недостаточно ясное понимание конкретных путей и задач социалистической революции, и в этом была, конечно, личная человеческая и писательская tragedia Блока. Но по последним дней жизни он отдавал всему свое силы и знания, активнейшим образом участвовал в строительстве советской культуры, и деятельность его в этой области не может быть забыта.

Общественное поведение Блока в послеоктябрьские годы — пример высокой гражданственности и человеческого благородства. Он старался «как можно меньше помнить о личных слабостях и трагедиях» (цензурное письмо к А. Лирони, 1919 г.). Он призывал своих слушателей «доверять будущему современности, этим разрешенным путем, пахнущим морем и будущим» (речь в Союзе поэтов, он говорил, что нужно развернуть работу Союза в районах), и сам выступил перед рабочей аудиторией с чувством величайшей ответственности относился к своим лекциям для начинающих писателей (тогда же в воспоминаниях Вс. Иванова с Горьким). В Большом драматическом театре писал великолепные поэтические выступления речи о Шекспире, Шиллере, Данте и т. д., которые оглашались перед спектаклями для красноармейцев.

Все проблемы искусства Блок решал в свете новых задач требований, выдвигавшихся революционной эпохой. Он говорил, что революция, как и следовало ожидать, привела в новое соотношение искусство и жизнь. Он призывал поэта «стремиться к самому сердцу жизни, возбудить в людях чувства и стремления к новой жизни», «вспомнить о своем прошлом, чтобы не спутать его с настоящим».

И по определению А. М. Горького — единственный романист стремится уяснить смыслы, «вспоминать прошлую жизнь».

«Знаменательно, — говорил Блок, — что «романист» было произнесено именно тогда, когда... стихия дохнула со страницы письма Фоме Французской революции, на подиуме Европы трепетом и чувством неблагодарности».

Подлинный романтизм, утверждал он, «наследие бурных генеалогий», «жадное стремление к удовлетворению жизни». Суждения Блока о романтизме и реализме, подложенные им в конце творческого пути, в основных своих, определяющих положениях оказались близкими эстетическим взглядам А. М. Горького.

Романтизм для Блока был несравненно шире, чем явление литературного стиля; он был для него «способом переживания жизни», «романтическим сознанием».

«Знаменательно, — говорил Блок, — что «романист» было произнесено именно тогда, когда... стихия дохнула со страницы письма Фоме Французской революции, на подиуме Европы трепетом и чувством неблагодарности».

Подлинный романтизм, утверждал он, «наследие бурных генеалогий», «жадное стремление к удовлетворению жизни». Суждения Блока о романтизме и реализме, подложенные им в конце творческого пути, в основных своих, определяющих положениях оказались близкими эстетическим взглядам А. М. Горького.

Романтизм для Блока был несравненно шире, чем явление литературного стиля; он был для него «способом переживания жизни», «романтическим сознанием».

«Знаменательно, — говорил Блок, — что «романист» было произнесено именно тогда, когда... стихия дохнула со страницы письма Фоме Французской революции, на подиуме Европы трепетом и чувством неблагодарности».

Подлинный романтизм, утверждал он, «наследие бурных генеалогий», «жадное стремление к удовлетворению жизни». Суждения Блока о романтизме и реализме, подложенные им в конце творческого пути, в основных своих, определяющих положениях оказались близкими эстетическим взглядам А. М. Горького.

Романтизм для Блока был несравненно шире, чем явление литературного стиля; он был для него «способом переживания жизни», «романтическим сознанием».

«Знаменательно, — говорил Блок, — что «романист» было произнесено именно тогда, когда... стихия дохнула со страницы письма Фоме Французской революции, на подиуме Европы трепетом и чувством неблагодарности».

Подлинный романтизм, утверждал он, «наследие бурных генеалогий», «жадное стремление к удовлетворению жизни». Суждения Блока о романтизме и реализме, подложенные им в конце творческого пути, в основных своих, определяющих положениях оказались близкими эстетическим взглядам А. М. Горького.

Романтизм для Блока был несравненно шире, чем явление литературного стиля; он был для него «способом переживания жизни», «романтическим сознанием».

«Знаменательно, — говорил Блок, — что «романист» было произнесено именно тогда, когда... стихия дохнула со страницы письма Фоме Французской революции, на подиуме Европы трепетом и чувством неблагодарности».

Подлинный романтизм, утверждал он, «наследие бурных генеалогий», «жадное стремление к удовлетворению жизни». Суждения Блока о романтизме и реализме, подложенные им в конце творческого пути, в основных своих, определяющих положениях оказались близкими эстетическим взглядам А. М. Горького.

Романтизм для Блока был несравненно шире, чем явление литературного стиля; он был для него «способом переживания жизни», «романтическим сознанием».

«Знаменательно, — говорил Блок, — что «романист» было произнесено именно тогда, когда... стихия дохнула со страницы письма Фоме Французской революции, на подиуме Европы трепетом и чувством неблагодарности».

Подлинный романтизм, утверждал он, «наследие бурных генеалогий», «жадное стремление к удовлетворению жизни». Суждения Блока о романтизме и реализме, подложенные им в конце творческого пути, в основных своих, определяющих положениях оказались близкими эстетическим взглядам А. М. Горького.

Романтизм для Блока был несравненно шире, чем явление литературного стиля; он был для него «способом переживания жизни», «романтическим сознанием».

«Знаменательно, — говорил Блок, — что «романист» было произнесено именно тогда, когда... стихия дохнула со страницы письма Фоме Французской революции, на подиуме Европы трепетом и чувством неблагодарности».

Подлинный романтизм, утверждал он, «наследие бурных генеалогий», «жадное стремление к удовлетворению жизни». Суждения Блока о романтизме и реализме, подложенные им в конце творческого пути, в основных своих, определяющих положениях оказались близкими эстетическим взглядам А. М. Горького.

Романтизм для Блока был несравненно шире, чем явление литературного стиля; он был для него «способом переживания жизни», «романтическим сознанием».

«Знаменательно, — говорил Блок, — что «романист» было произнесено именно тогда, когда... стихия дохнула со страницы письма Фоме Французской революции, на подиуме Европы трепетом и чувством неблагодарности».

Подлинный романтизм, утверждал он, «наследие бурных генеалогий», «жадное стремление к удовлетворению жизни». Суждения Блока о романтизме и реализме, подложенные им в конце творческого пути, в основных своих, определяющих положениях оказались близкими эстетическим взглядам А. М. Горького.

Романтизм для Блока был несравненно шире, чем явление литературного стиля; он был для него «способом переживания жизни», «романтическим сознанием».

«Знаменательно, — говорил Блок, — что «романист» было произнесено именно тогда, когда... стихия дохнула со страницы письма Фоме Французской революции, на подиуме Европы трепетом и чувством неблагодарности».

Подлинный романтизм, утверждал он, «наследие бурных генеалогий», «жадное стремление к удовлетворению жизни». Суждения Блока о романтизме и реализме, подложенные им в конце творческого пути, в основных своих, определяющих положениях оказались близкими эстетическим взглядам А. М. Горького.

Романтизм для Блока был несравненно шире, чем явление литературного стиля; он был для него «способом переживания жизни», «романтическим сознанием».

«Знаменательно, — говорил Блок, — что «романист» было произнесено именно тогда, когда... стихия дохнула со страницы письма Фоме Французской революции, на подиуме Европы трепетом и чувством неблагодарности».

Подлинный романтизм, утверждал он, «наследие бурных генеалогий», «жадное стремление к удовлетворению жизни». Суждения Блока о романтизме и реализме, подложенные им в конце творческого пути, в основных своих, определяющих положениях оказались близкими эстетическим взглядам А. М. Горького.

Романтизм для Блока был несравненно шире, чем явление литературного стиля; он был для него «способом переживания жизни», «романтическим сознанием».

«Знаменательно, — говорил Блок, — что «романист» было произнесено именно тогда, когда... стихия дохнула со страницы письма Фоме Французской революции, на подиуме Европы трепетом и чувством неблагодарности».

Подлинный романтизм, утверждал он, «наследие бурных генеалогий», «жадное стремление к удовлетворению жизни». Суждения Блока о романтизме и реализме, подложенные им в конце творческого пути, в основных своих, определяющих положениях оказались близкими эстетическим взглядам А. М. Горького.

Романтизм для Блока был несравненно шире, чем явление литературного стиля; он был для него «способом переживания жизни», «романтическим сознанием».

«Знаменательно, — говорил Блок, — что «романист» было произнесено именно тогда, когда... стихия дохнула со страницы письма Фоме Французской революции, на подиуме Европы трепетом и чувством неблагодарности».

Подлинный романтизм, утверждал он, «наследие бурных генеалогий», «жадное стремление к удовлетворению жизни». Суждения Блока

Старые следы и новые тропы

— Итак, с чего же мы начнем, мистер Сайес? — спрашивает один из славных героев «Таинственного острова» Жюль Верна, добрых матрос Пенкроф.

— С самого начала! — отвечает Сайес.

И читатель уже пленен.

Этот короткий диалог отвечает его собственному сокровенному стремлению: мужеством, стойкостью, трудом — умелым, ловким и разнообразным — противоборствовать коснам природы.

Диалог вырастает в роман, роман возвращает читателя к детским годам человеческой культуры. И это отнюдь не возвращение в скучный Эдем.

Совсем не случайно «Таинственный остров» — наиболее любимая нашими детьми во всем жюльверновском наследии книги. На старомодном паровозе с широкой трубой, вместе с Филеасом Фогром и его верным Пастором подросток перемахивает через разрушенный мост. С капитаном Немо он отсиживается в подводных пещерах. Он борется с водорослями-змейками Саргассова моря. Без передышки, залпом, пролетает один том, другой, третий. Юного читателя радует острый темп приключений, вдохновляет благородная тема жюльверновских географов. Но вот раскрыта «самая большая заветная книга, и счастлив тот, кто впервые успел ее прочитать! «Таинственный остров» нельзя пребежать наспех. Здесь шаг за шагом осваивается, как мы сказали бы сейчас, «Плато Далекого Видя», здесь строятся краяла для одомашненных диких зверей, спускается на воду самодельный бот, и хлебные закрома наполняются потомством единого зернышка, обнаруженного за подкладкой сюрточка Херберта. Вся эта симфония окрыленного труда, покоряющего природу, вызывает радостный отклик в душе нашего маленького современника. Сколько горячих голов именно над страницами «Таинственного острова» начали мечтать не только о подвигах-затехах, требующих ловкости, храбрости, силы, но и о подвиге жизни, требующем в добавок этому еще и выдержки, и знаний, и упорного труда.

В годы перед войной на Западе получила распространение психологическая школа, учившая, что все люди родились в Араклии. Детство человечества — детство каждого человека — это мир, не имеющий возможных эгоистических наслаждений, в который врывается принуждение. И если «столки жизни» становятся слишком чувствительными, люди призывают к кинезии воспоминаний, и убегают в детство. Такие попытки толкования механизма нервозов, корни которых лежали в глубоких социальных противоречиях буржуазной культуры, сродни рожденным устремлениям душами легенде о «Золотом веке» — непривычному для нас, преисполненному безделья изобилия.

Для нас прошлое человеческого рода освещено прометеевым огнем преодоленных трудностей. Наши герои, в истории человечества — это творцы и создатели, борцы с природой, мастера и ученые. Условия воспитания советского ребенка таковы, что он с естественной жаждой ищет книги, которые облизаны бы пламенем идеалами его великого времени. Никогда не видел я, как мыльные пузыри, даже подушками. Он был, в сущности, обеспечен всем необходимым: «Я искал кассаву, из коры которой индейцы тем широк делают муку», — рассказывает Робинзон, — но не нашел... «Гам было и другие растения, каких я раньше никогда не видел: весьма возможно, что они и их свойства... я мог бы извлечь из них пользу для себя...». Однако в этих поисках не было особенной нужды: в некоей очаровательной долине он нашел множество кокосовых пальм, апельсиновых и лимонных деревьев, виноград.

Отталкиваясь от образа Робинсона, автор новой книги «По следам Робинсона», выпущенной Детским И. Н. Верзилии, затевает увлекательную игру. Что бы вы стали делать, — спрашивает он юных читателей, — оптически на положении Робинсона в нашем северном лесу, где нет ни лимонов, ни кокосовых орехов, ни винограда? Он предлагает экспериментальный ответ: «Возьмем рюкзак на плечи, и т. д. и т. п.

Нужно отложить книгу. Н. Верзилии: когда он представляет читателю какое-либо растение, он испытывает желание рассказать не только, как его можно использовать, но и всю его историю в человеческой культуре. Эти многочисленные исторические интересы и разнообразны. Или же «Заветной мечтой моей жизни» — писала Мирину, — всегда было видеть, чтобы люди оставались у растений с таким же интересом, с таким же затаенным дыханием, какими оставляются они перед паровозом, более усовершенствованном комбайном, незнакомым самолетом или перед неизвестной конструкцией машины.

Нет, не просто отысканных, не просто «прирученных» дикарей имел в виду Мирину, высказывая свою мысль. Она говорила о растениях «перевоспитанных», пересаданных человеком по своему замыслу, в соответствии со своими, человеческими, потребностями, по своеобразному ботаническому и селекционному «чертежу».

Перед учеными и писателями встаивает задача сейчас почетная и ответственная: создание «круга знаний» — детской и юношеской энциклопедии. Подготовка к этой работе требует тщательного анализа работы издательства по выпуску научно-популярной и научно-художественной литературы. И если нужно назвать желанные образы книги, призванной вести читателя в чудеса растительного мира, это должны быть образы людей, не ждавших милостей от природы, а познавших мир для того, чтобы его передавать.

Сергей Сартаков «По Чукским порогам». Краснодарское краевое издательство. 1946.

М.-Л. Легина. «По следам Робинсона».

М.-Л. Легина. «По следам Р

СОВЕСТЬ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

(ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО С. НА 1 СТР.).

Смысль «Скифов» шире, глубже, устойчивее, нежели ограниченный смысл той или другой строфы. Да, конечно, мы не скифы — не «азанты». Конечно, не пришлось нам и никогда не придется рассчитаться по добром и злосам перед какой бы то ни было приложкой Европой, чтобы очистить место боя для стальных машин с монгольской ордой. Все случилось совершенно иначе, нежели предсказывал Блок. Но заключающий голос «Скифов» живет в нашей памяти благодаря другому. Испуленная любовь к России остается вечной. Гордость за нее — незыблама. И если в этих мощных строфах наша великая страна, зовущая на братский пир все народы мира, противостоит грозе Запада, кующему из века в век смертоносное оружие, — то такое противостояние остается в силе и по сей день. Кому же, как не нам, стоит об этом вспомнить и се-годня?

В последний раз — опомнился старый мир! На братский пир труха и мири.

В последний раз — на светлы братский пир.

Сыграет варварская лира.

Деятельность Александра Блока первые годы после Октябрьской революции была разнообразна и плодотворна. Он работал в театре над созданием нового, нужного народу репертуара, выступал перед красноармейской аудиторией, пропагандируя высокие образы мирового искусства, сотрудничал с Алексеем Максимовичем Горским в издательстве «Всемирная литература», переведя Гейне. Это созданный труд на потребу дня, безотказ-

А. ДЕРМАН

Опыт литературной географии

Одну из характернейших фигур в истории русской культуры представляет так называемый «местный патрист» — человек, кровно сроднившийся с местом своего рождения, связанный с ним тысячами уз, влюбленный в его особенности, в его природу, в его историю и бытовой уклад, гордый его вкладом в обширную сокровищницу общегосударственной культуры, в частности — гордый тем, что его родной край служил ареной деятельности тех или других выдающихся людей: писателей, художников, государственных деятелей и т. д. Из среды этих «местных патриотов» и выходят те ценившие люди, чьи любви неусыпным трудом мы обязаны многоглетним кропотливым исследованиям по истории области, возникновением областных музеев, изысканиями архивных материалов и т. д. А сковупность результатов их труда во всей стране дает в итоге широкую картину русской культуры в целом.

А. Храбровинский, автор книги «Русские писатели в Пензенской области», не принадлежит к разряду этих людей. Можно даже сказать, что тенденция его труда в обратном направлении: не от местной культуры в общей, а наоборот — от общей, российской, к краевой, писемской.

Результаты оказались самыми плодотворными. Мы читаем эту книгу, где неизменно повествуется, когда и что из русских писателей посетил тот или иной уголок края, какое отражение получило это посещение в его творчестве или переписке, что сохранилось от тех времен из бытовой обстановки, которая его окружала, и т. д. Вот Тарханы, где вырос Лермонтов и где покоятся его останки, вот Задонский городок Чембар и домик в нем, о котором Белинский писал: «там нет ни комнаты, ни места на чердаке, где бы не читал, или не мечтал о позде, где бы не сочинял». Вот живой, колоритный и характерный очерк приезда в Пензу Маяковского. Вот Радищев, вспомнив Салтыков-Шедрина, Державина и Крылова, Вяземского и Дениса Давыдовича, «Огарек и Лесков», Короленко и Горький, А. Богданов, А. Малышкин, В. Ставский, Ф. Гладков...

Вы читаете — и мало-помалу вами овладевает странная иллюзия: оказывается, что Пенза и Пензенская область — это какой-то Олимп русской литературы! Так и Толстой, и Загоскин, и Лажечников, и Слепцов, и Куприн.

Конечно, это иллюзия. Но в состав этой иллюзии вошла также и ценная правда: элементы русской культуры щедро рассеяны по всей необъятной стране. Виникне с тою же любовью и с тем же ощущением величию культуры, какими насыщена книжка Храбровинского, в историю Тульской, Орловской и Рязанской областей, и перед вами открывается тульский Олимп, и орловский, и рязанский, и нижегородский...

Для того, чтобы читатель получил представление о той изощренности, какой проявил автор этой чудесной книжки в своих розысках, я позволю себе привести здесь страницу из очерка о книге Вяземского, в 1828-29 годах жившем в селе Мещерском Пензенской губернии.

«В Мещерском Вяземский написал не-

А. Храбровинский. «Русские писатели в Пензенской области». Издательство газеты «Столицкое знамя». Пенза. 1946.

Областное совещание молодых писателей

Недавно в г. Чкалове состоялось третье областное совещание молодых писателей. С докладом о задачах Чкаловской организации писателей выступил секретарь общкома ВКП(б) А. Жуков.

Редактор областной газеты «Чкаловская коммуна» В. Шурыгин отметил, что писатели Чкаловы недостаточно активно участвуют работе местных газет, между тем крепкая связь с периодической печатью должна быть возможностью чкаловским литераторам более глубоко изучать действительность, шире освещать вопросы нового интеллигентного периода.

Участники совещания заступили также локальные о работе писателей области: Н. Прянишникова — о прозе и А. Вознесенского — о поэзии. Докладники говорили о том, что многие произведения чкаловских писателей свидетельствуют о недостаточном знании жизни. В них нет глубоких мыслей, ни больших человеческих страсти. Внутренний мир героев этих произведений раскрыт слабо.

В прениях по докладам приняли участие молодые писатели и работники местной печати; они спротивились критикам работы Чкаловского отделения Союза писателей. Так, например, начинающий писатель Мусоргин (Будзулукский район) в течение года не мог получить из Чкаловской литературной консультации.

Суровой критике подверглось областное издательство, совершенно не работающее с молодыми авторами.

У писателей Воронежа

На собраниях писателей Воронежа обсуждались рассказы молодой писательницы Г. Григорьевой, цикл стихов В. Кораблинова «Ульяны», роман студента Воронежского пединститута И. Понятовской «Приключения Эльзы» и военные рассказы В. Ющенко.

Два рассказа В. Ющенко — «Котенок» и «Занавеска» — рекомендованы для публикации в альманахе «Литературный Воронеж».

Литературные встречи в Хабаровске

ХАБАРОВСК. (От наш. корр.). Хабаровское отделение СССР систематически устраивает литературные встречи, на которых обсуждаются новые произведения писателей дальневосточников. На последних встречах обсуждались стихи С. Феоктистова и В. Акишинского. Оба поэта находятся сейчас на Южном Сахалине.

Чувства советского человека, живущего в отдалении от Большой Земли, на остророгах, лишь недавно воссозданных с нашей стороны — главное в творчестве С. Феоктистова. Участники обсуждения С. Смолякова, Н. Рогаль, А. Гай, И. Мануйлов, В. Фролов, И. Дружинин, Дм. Наутишкин, В. Аксаев и др. отмечали, что эти попытки часто весьма робки, но всегда автору удается сделать авторские эрмиды.

Прочитанные В. Акишинским стихотворения о Камчатке, где поэт провел несколько лет, были тепло встречены слушателями.

Конкурс на детскую книгу

АШХАБАД. (От наш. корр.). Закончился 1-й тур конкурса на лучшую книгу для детей, объявленного Союзом писателей и Министерством просвещения Туркмении. На конкурс поступило 54 рукописи, из них 23 на туркменском языке. Это повести на современные и исторические темы, рассказы, пьесы, стихотворные обработки фольклора, книжки для детей дошкольного возраста.

Жюри решило первую премию никому не присуждать. Вторые премии (в размере 15 тыс. рублей) присуждены: Халки Измайловой за повесть «Син двух огней» и Берды Каребабеуза за повесть «Братья Джаппакары». Третью премию (8 тыс. рублей) получила Л. Лозовская, приславшая из Львовской оригинальную сказку «Мальчик с пальчиком».

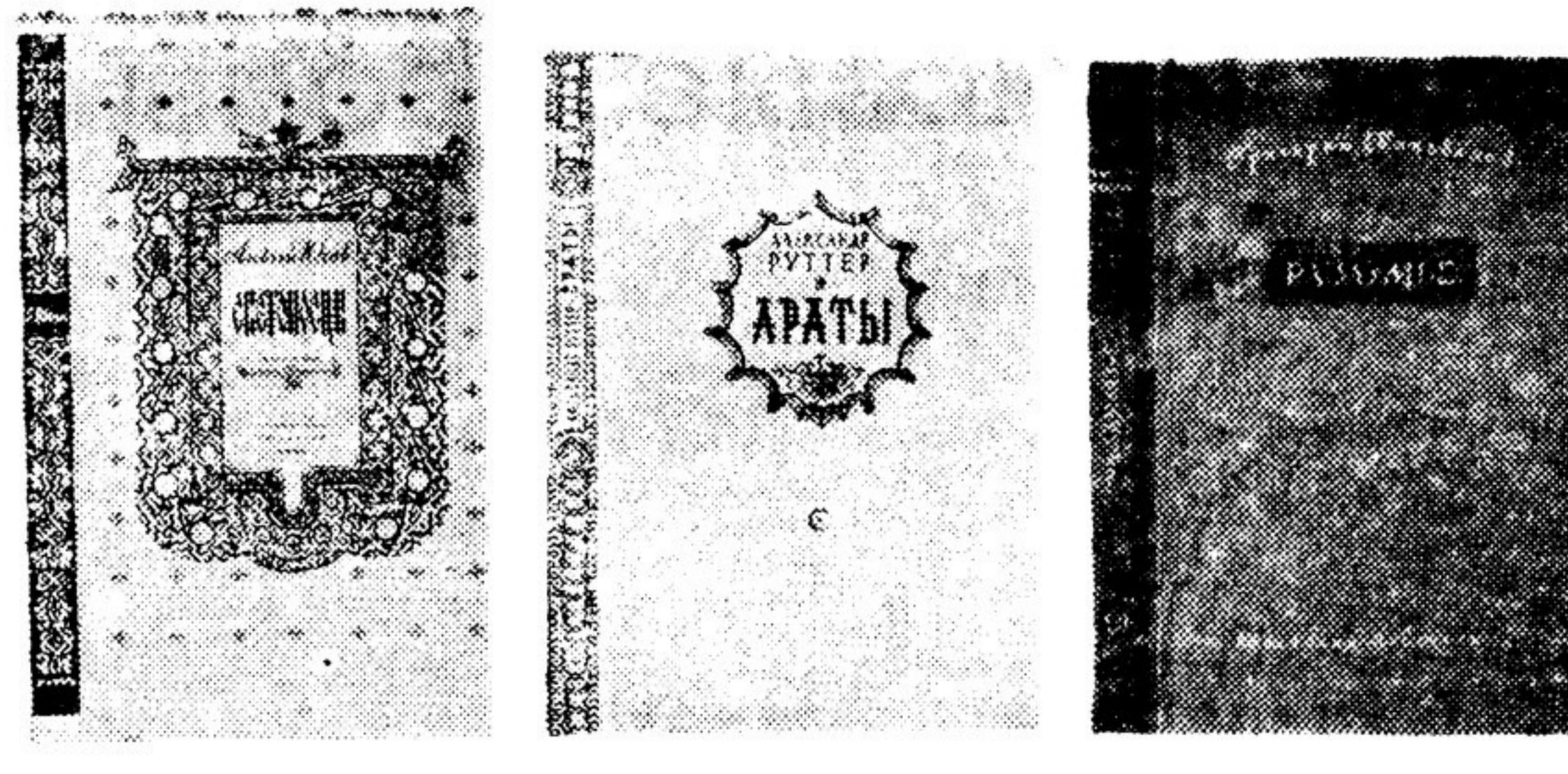
Жюри рекомендовало к изданию произведения, представленные на конкурсе Р. Алиевым, Я. Насыри, В. Пермяковым и Помма Нуреддином.

Следующий тур конкурса заканчивается 15 ноября 1946 года.

Повесть о Георгии Скарине

МИНСК. (От наш. корр.). Государственное издательство Белоруссии выпустило первую книгу исторической поэтической Н. Садковича и Е. Львова «Георгий Скарин». Авторы освещают творческий путь великого просветителя, начиная с юношеских лет. Для своей работы они использовали грамоты, челобитные и документы.

Я уверен, что такая же встреча покажется пройдет у всех читателей этой книжки.

Обложки новых книг, выпускаемых издательством «Советский писатель». Слева направо: А. Юрген «Стихи» (работа И. Николаевцева), А. Руттер «Арараты» (работа Б. Мухина) и Г. Кондаков «Раздумье» (работа М. Компаници).

Второй съезд писателей Армении

Беседа с ответственным секретарем ССП Армении Р. Григоряном

Президиум Союза советских писателей Армении принял решение создать в сентябре месяца в Ереване второй съезд советских писателей Армении.

Основная задача съезда, — заявил в беседе с сотрудником нашей газеты тов. Р. Григорян, — подвести итоги проделанной работы и наметить пути дальнейшего развития армянской литературы. На съезде в качестве гостей приглашаются писатели Российской Федерации, Украины, Белоруссии, Грузии, Азербайджана, Латвии, Литвы, Эстонии и других союзных республик, а также представители зарубежной армянской литературы.

Основной доклад «Армянская советская литература и путь ее дальнейшего развития» сделает на съезде Р. Григорян. В поиске для съезда несколько содокладов. Д. Демирчян расскажет о литературе Советской Армении в годы войны, выступившая Г. Гулясян — «Современная зарубежная армянская литература» (докладчик Е. Топчян). Надо сказать, что восточно-армянская литература долгие годы развивалась под непосредственным влиянием русской литературы, а западно-армянская под влиянием западно-европейской и в особенности французской. После империалистической войны 1914—1918 гг., в результате зверской политики сultанской Турции, население турецкой Армении было частично вырезано, а частично разбросано по всему свету. С этого момента западно-армянская литература перестает существовать, как нечто целое.

Печать скорби лежит на многих произведениях западно-армянских писателей, оторванных от матери-родины: Ваган Тертер, Г. Гулясян, Шагана Шахнур, Зара Ворбун, Б. Нурикян, Левона З. Сурмелян, В. Вагин и др. Счастливая жизнь народа Советской Армении воссодениение всех армян в одну великую семью — вот проблема, которая воцаряет сейчас западно-армянских писателей. Съезд ознакомится с творчеством зарубежных армянских писателей. Съезд ознакомится с творчеством армянских писателей и положит начало воссодениению распространенных и разобщенных отрядов армянской литературы.

Первый съезд армянских писателей был проведен 12 лет тому назад. Ко второму съезду писатели Армении приходят с большими творческими достижениями. Общеизвестно, что стихи А. Исаакяна удостоены Сталинской премии. Крупнейшие явлениями армянской литературы были исторические романы — Д. Демирчян («Вардананк») и Ст. Зорян («Шарль Пап»). Н. Зарян написал драматическую поэму «Ара Прекрасный» и недавно закончил вторую книгу романа «Айван», где рассказывается о жизни советской армянки в эпоху героя погибли, сражаясь в партизанских отрядах, М. Манушян, Луиза Аслани (Лас) и др. Счастливая жизнь народа Советской Армении воссодениение всех армян в одну великую семью — вот проблема, которая воцаряет сейчас западно-армянских писателей. Съезд ознакомится с творчеством зарубежных армянских писателей и положит начало воссодениению распространенных и разобщенных отрядов армянской литературы.

В работе съезда примут участие крупные представители зарубежной армянской литературы — Мирдат Тиракян, Левон З. Сурмелян, Арам Чарыг, Ваге Вагян, А. Андрианян, К. Ситал, Зара Ворбун, Ов. Агашян и др.

Писатели, вернувшись с фронта, — А. Сирас, Р. Коchar, К. Ованиан, С. Паязат и другие работают над новыми произведениями. Сталинская пятилетка, огромные сдвиги в области экономики и культуры, новые трудовые творческие процессы, послевоенная жизнь в армянских городах и колхозной деревне привлекают внимание писателей. Некоторые из них на новостройках собирают материал для будущих книг. Если раньше в армянской литературе много места уделалось историческим темам, то теперь замеяно усиливается интерес к современности.

Большое внимание будет уделено на съезде литературной критике: в повестях национальной литературы — Мирдат Тиракян и рассказы «Люди в засаде» и «Люди в засаде»; в рассказах «Сироп» и «Сироп»; в рассказах 1909—1911 гг.; в 2-х томе — «Мурдак», «Хромой барин» и рассказы 1912—1914 гг.; в 3-м томе — «На воле» и «Смерть героя»; в 4-м томе — «Смерть героя» и рассказы 1915—1916 гг.; в 5-м томе — «Гимн» и рассказы 1917—1924 гг.; в 6-м томе — «Эпиграф», рассказы 1925—1927 гг.; в 6-м томе — «Эпиграф» и рассказы 1928—1930 гг.; в 7-м томе — «Смерть героя» и рассказы 1931—1933 гг.; в 8-м томе — «Смерть героя» и рассказы 1934—1936 гг.; в 9-м томе — «Погибший герой» и рассказы 1937—1939 гг.; в 10-м и 11-м томах — повести «Смерть героя» и рассказы 1940—1941 гг.; в 12-м и 13-м томах — повести «Смерть героя» и рассказы 1942—1943 гг.; в 14-м томе — «Рассказы Ильи Сударева»; в 15-м томе — «Рассказы Ильи Сударева» и рассказы 1944—1945 гг.; в 16-м томе — «Смерть героя» и рассказы 1946—1947 гг.; в 17-м томе — «Смерть героя» и рассказы 1948—1949 гг.; в 18-м томе — «Смерть героя» и рассказы 1950—1951 гг.; в 19-м томе — «Смерть героя» и рассказы 1952—1953 гг.; в 20-м томе — «Смерть героя» и рассказы 1954—1955 гг.; в 21-м томе — «Смерть героя» и рассказы 1956—1957 гг.; в 22-м томе — «Смерть героя» и рассказы 1958—1959 гг.; в 23-м томе — «Смерть героя» и рассказы 1960—1961 гг.; в 24-м томе — «Смерть героя» и рассказы 1962—1963 гг.; в 25-м томе — «Смерть героя» и рассказы 1964—1965 гг.; в 26-м томе — «Смерть героя» и рассказы 1966—1967 гг.; в 27-м томе — «Смерть героя» и рассказы 1968—1969 гг.; в 28-м томе — «Смерть героя» и рассказы 1970—1971 гг.; в 29-м томе — «Смерть героя» и рассказы 1972—1973 гг.; в 30-м томе — «Смерть героя» и рассказы 1974—1975 гг.; в 31-м томе — «Смерть героя» и рассказы 1976—1977 гг.; в 32-м томе — «Смерть героя» и рассказы 1978—1979 гг.; в 33-м томе — «Смерть героя» и рассказы 1980—1981 гг.; в 34-м томе — «Смерть героя» и рассказы 1982—1983 гг.; в 35-м томе — «Смерть героя» и рассказы 1984—1985 гг.; в 36-м томе — «Смерть героя» и рассказы 1986—1987 гг.; в 37-м томе — «Смерть героя» и рассказы 1988—1989 гг.; в 38-м томе — «Смерть героя» и рассказы 1990—1991 гг.; в 39-м томе — «Смерть героя» и рассказы 1992—1993 гг.; в 40-м томе — «Смерть героя» и рассказы 1994—1995 гг.; в 41-м томе — «Смерть героя» и рассказы 1996—1997 гг.; в 42-м томе — «Смерть героя» и рассказы 1998—1999 гг.; в 43-м томе — «Смерть героя» и рассказы 1999—2000 гг.; в 44-м томе — «Смерть героя» и рассказы 2000—2001 гг.; в 45-м томе — «Смерть героя» и рассказы 2001—2002 гг.; в 46-м томе — «Смерть героя» и рассказы 2002—2003 гг.; в 47-м томе — «Смерть героя» и рассказы 2003—2004 гг.; в 48-м томе — «Смерть героя» и рассказы 2004—2005 гг.; в 49-м томе — «Смерть героя» и рассказы 2005—2006 гг.; в 50-м томе — «Смерть героя» и рассказы 2